

# СРАВНИТЕЛЬНОЕ КОНСТИТУЦИОННОЕ ОБОЗРЕНИЕ

№4 (107) 2015

**Обратная сторона ветра:  
инновации и новые возможности для цензуры**

**Свобода собраний и общественный диалог**

**Универсальные права как духовная скрепа**

**Бельгия: от конституционного арбитража  
к конституционному правосудию**

**Тернистый путь Конституции России**

**США: цена независимости судей**

**Кого защитил Конституционный Суд России –  
нефтяников или окружающую среду?**

# СРАВНИТЕЛЬНОЕ КОНСТИТУЦИОННОЕ ОБОЗРЕНИЕ

№4 (107) 2015

## Учредитель и издатель

Институт права и публичной политики  
<http://www.ilpp.ru>

## Редакционный совет

А. С. АВТОНОМОВ, д.ю.н., профессор  
А. БЛАНКЕНАГЕЛЬ, Dr. jur. habil., профессор  
Н. А. БОГДАНОВА, д.ю.н., доцент  
А. Е. ВАШКЕВИЧ, к.ю.н., доцент  
Г. А. ГАДЖИЕВ, д.ю.н., профессор (председатель)  
Л. ГАРЛИЦКИЙ, Ph.D. in Law, профессор  
Л. О. ИВАНОВ, к.ю.н.  
И. П. КЕНЕНОВА, к.ю.н., доцент  
А. И. КОВЛЕР, д.ю.н., профессор  
М. А. КРАСНОВ, д.ю.н.  
А. Н. МЕДУШЕВСКИЙ, д.ф.н., профессор  
Р. УИТЦ, LL.M., S.J.D., профессор  
С. ХОЛМС, Ph.D. in Law, профессор  
А. ШАЙО, Ph.D. in Law, профессор, академик

## Редакционная коллегия

Е. В. ГРИЦЕНКО, д.ю.н., профессор  
А. А. ДЖАГАРЯН, д.ю.н.  
Г. В. ДИКОВ  
С. С. ЗАИКИН, к.ю.н.  
О. Н. КРЯЖКОВА, к.ю.н., доцент  
Т. М. ХРАМОВА, LL.M., к.ю.н.  
Д. Г. ШУСТРОВ, к.ю.н.

## Главный редактор

О. Б. СИДОРОВИЧ, MBA (in P.S.)

## Заместители главного редактора

А. Г. РУМЯНЦЕВ, LL.M., Dr. jur.  
А. В. ДОЛЖИКОВ, к.ю.н., доцент  
А. А. ТРОИЦКАЯ, к.ю.н., доцент

## Редакторы

Р. В. Золотарёв  
Л. А. Моргуева

## Корректоры

Т. Ю. Лобкова

## Компьютерная верстка

В. Б. Сидорович

## В подготовке выпуска участвовали:

Я. С. Гребенщикова  
Е. А. Нефёдова

Издается при спонсорской поддержке  
Юридической компании

## КАМЕНСКАЯ & ПАРТНЁРЫ.

СИнерГИЯ УСПЕХА

Позиции авторов статей могут не совпадать с мнением редакции.

При цитировании материалов ссылка на журнал и правообладателя обязательна.  
Перепечатка разрешена только с письменного согласия правообладателя.

© Институт права и публичной политики, 2015

## МОНИТОРИНГ КОНСТИТУЦИОННЫХ НОВОСТЕЙ

МАЙ – АВГУСТ • 2015

3

Греция, Индонезия, Люксембург, Мадагаскар, Мексика, Россия,  
США, Турция, Украина, ЮАР

## ЭТАЖИ ДЕМОКРАТИИ

ДИАЛОГ И ЯЗЫК НЕВЫСЛУШАННЫХ:

13

ЦЕННОСТЬ И ПРЕДЕЛЫ СВОБОДЫ СОБРАНИЙ

Армен Джагарян, Наталья Джагарян

## ТОЧКА ЗРЕНИЯ

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА КАК УНИВЕРСАЛЬНАЯ  
«НАВИГАЦИОННАЯ СИСТЕМА»?

32

Ангелика Нуссбергер

## СУДЕБНЫЙ ДИСКУРС, ИННОВАЦИИ И СВОБОДА СЛОВА

СУДЕЙСКАЯ АРГУМЕНТАЦИЯ И ИНТЕРНЕТ:

40

ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОВЫХ РАМОК, НОВИЗНА,  
ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ПРАВА И НОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

Андраш Шайо, Клэр Райан

## НОВАЯ ФОРМАЦИЯ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ: БЕЛЬГИЯ

СУДЕБНЫЙ КОНТРОЛЬ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

62

В КОРОЛЕВСТВЕ БЕЛЬГИЯ:  
ОТ КОНСТИТУЦИОННОГО АРБИТРАЖА  
К КОНСТИТУЦИОННОМУ ПРАВОСУДИЮ

Павел Блохин

## ИСТОРИЧЕСКИЙ РАКУРС

ОСНОВНОЙ ЗАКОН ТОТАЛИТАРИЗМА:

84

КОНСТИТУЦИЯ СССР 1936 ГОДА КАК ИНСТРУМЕНТ  
СОЦИАЛЬНОГО КОНСТРУИРОВАНИЯ

ЧАСТЬ 2

Андрей Медушевский

## КОНСТИТУЦИЯ РОССИИ: ИЗВИЛИСТЫЙ ПУТЬ ПОЗНАНИЯ

О ПРИЧИНАХ КРУШЕНИЯ СССР И СТАНОВЛЕНИИ НОВОЙ РОССИИ

101

Диалог Андрея Медушевского и Геннадия Бурбулиса

## PRAXIS

ИЛЛЮЗИЯ НЕЗАВИСИМОСТИ ИЗБИРАЕМЫХ СУДЕЙ:

117

РАЗМЫШЛЕНИЯ ПО ПОВОДУ РЕШЕНИЯ  
ВЕРХОВНОГО СУДА США ПО ДЕЛУ «УИЛЬЯМС-ЮЛИ  
ПРОТИВ АССОЦИАЦИИ АДВОКАТОВ ФЛОРИДЫ»

Татьяна Храмова

## В КОНСТИТУЦИОННОМ СУДЕ РОССИИ

ОБЗОР ПОСТАНОВЛЕНИЙ, ВЫНЕСЕННЫХ  
КОНСТИТУЦИОННЫМ СУДОМ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

128

МАЙ – ИЮНЬ • 2015

[НЕ] ДВАЖДЫ ЗА ОДНО: ОСОБЫЙ ХАРАКТЕР

145

ЭКОЛОГИЧЕСКОГО УЩЕРБА И ОБЩИЕ ПРИНЦИПЫ  
ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

КОММЕНТАРИЙ К ПОСТАНОВЛЕНИЮ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РФ  
ОТ 2 ИЮНЯ 2015 ГОДА №12-П

Александра Ивлиева

## ПОДПИСКА НА 2015 ГОД

### Россия

Подписка на журнал производится:

- во всех отделениях почтовой связи по каталогу агентства «Роспечать» «Газеты. Журналы» – индекс **80643**.

Через агентства альтернативной подписки:

- 000 «Информнаука» Тел.: (495) 787-38-73 • <http://informnauka.com>
- 000 «Агентство “Урал-Пресс”» Тел.: (495) 789-86-36 • <http://ural-press.ru>

В редакции подписка на журнал возможна с любого номера.

За дополнительной информацией обращаться:

Тел.: (495) 608-69-59, 608-66-35 • Факс: (495) 608-69-15

e-mail: [ilpp-ccr@mail.ru](mailto:ilpp-ccr@mail.ru) • <http://www.ilpp.ru>.

### Страны СНГ

Оформить подписку на журнал можно:

- по каталогам агентства «Роспечать» «Газеты. Журналы» и «Russian Newspapers & Magazines» – индекс **80643** в отделениях почтовой связи или на сайте агентства в сети Интернет: <http://www.rospr.ru>
- через 000 «Информнаука» Тел.: (495) 787-38-73 • <http://informnauka.com>

### Страны дальнего зарубежья

Для стран дальнего зарубежья подписка на журнал оформляется:

- через партнеров фирмы ЗАО «МК-Периодика» или непосредственно в ЗАО «МК-Периодика» по адресу: Россия, 111524 Москва, ул. Электродная, д. 10. Тел.: +7 (495) 672-70-12 • Факс: +7 (495) 306-37-57 e-mail: [info@periodicals.ru](mailto:info@periodicals.ru) • <http://www.periodicals.ru>
- через 000 «Информнаука» Тел.: (495) 787-38-73 • <http://informnauka.com>

### Электронная версия

Приобрести электронную версию любого выпуска или статьи журнала теперь можно через Российскую универсальную научную электронную библиотеку **elibrary.ru**. Страница журнала в электронном каталоге: [http://elibrary.ru/title\\_items.asp?id=9477](http://elibrary.ru/title_items.asp?id=9477)

## ПРИГЛАШЕНИЕ К ПУБЛИКАЦИИ

Приглашаем российских и зарубежных авторов к публикации на страницах журнала статей, а также рецензий, обзоров, комментариев, соответствующих профилю и тематике издания.

В журнале предусмотрена процедура обязательного рецензирования.

Полный перечень требований и порядок рецензирования размещены на сайте: <http://ilpp.ru/journal/sko>

**Система платного размещения статей  
в журнале не используется!**

Материалы направлять в электронном виде (желательно в формате Word) по электронной почте: [ilpp-ccr@mail.ru](mailto:ilpp-ccr@mail.ru)

●●●●●●●●●● Решением ВАК журнал включен ●●●●●●●●●●  
в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий,  
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты  
диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук»

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-62147 от 19 июня 2015 года

Тираж 500 экз. Периодичность – 6 номеров в год. ISSN 1812-7126

Подписано в печать 25 августа 2015 года

Распространяется по подписке и через редакцию

Адрес редакции: 129090 Москва, ул. Щепкина, д. 8

Для корреспонденции: 129090 Москва, а/я 140

Тел.: +7 (495) 608-69-59; 608-66-35

Факс: +7 (495) 608-69-15

Отпечатано: 000 «Буки Веди»

119049, г. Москва, Ленинский проспект, д. 4, стр. 1А

## PARTNER PUBLICATION

International Journal of Constitutional Law

The journal *Sravnitel'noe Konstitutsionnoe Obozrenie* (CCR) contains selected items originally published in English from *International Journal of Constitutional Law* (ICON) and is published by arrangement with its publishers Oxford University Press and New York University School of Law.

This work is subject to copyright. All rights are reserved, whether the whole or part of the material is concerned, specifically the rights for translation, reprinting, reuse of illustrations, broadcasting, reproduction on microfilm or in any other way, and storage in data banks.

The use of registered names, trademarks etc. in this publication does not imply, even in the absence of a specific statement, that such names are exempt from the relevant laws and regulations and therefore free for general use.

For any references/citations from this selection of items, the source must be given as the original English article with full bibliographic details as given at the top of the first page of each article.

## ПАРТНЕРСКОЕ ИЗДАНИЕ

International Journal of Constitutional Law

Журнал «Сравнительное конституционное обозрение» содержит статьи, ранее опубликованные на английском языке в журнале *International Journal of Constitutional Law* (ICON), и публикуется с согласия его издателей Oxford University Press и New York University School of Law.

Данная работа является объектом авторских прав. Все права защищены, и в частности права на перевод, переиздание, воспроизведение иллюстраций, передачу в эфир, копирование на микрофильмы или любым другим способом, хранение в базах данных, причем как в отношении всего материала, использованного в издании, так и его части.

Использование зарегистрированных наименований, торговых марок и т. д. в этом издании не подразумевает, даже при отсутствии особых указаний на этот счет, что такие наименования не охраняются соответствующими законами и иными нормативными правовыми актами и поэтому подлежат свободному использованию.

При цитировании каждая цитата должна сопровождаться дополнительно ссылкой на англоязычный источник, который должен быть приведен в соответствии с полным библиографическим описанием, содержащемся на первой странице статьи.

# КОНСТИТУЦИЯ РОССИИ: ИЗВИЛИСТЫЙ ПУТЬ ПОЗНАНИЯ

## О причинах крушения СССР и становлении новой России

Диалог Андрея Медушевского и Геннадия Бурбулиса

Предметом диалога стали проблемы политического и конституционного развития СССР и России за последние 30 лет, начиная с перестройки М. С. Горбачева (1985), включая принятие Конституции 1993 года и формирование современной российской политической системы. Центральная проблема – установить, каким образом распад СССР в 1991 году и позднесоветская модель государственного устройства определили логику переходного периода, принятие ключевых решений в международной и внутренней политике, а главное, оценить полученный результат – современный российский политический режим и тенденции его развития. Нашим собеседником выступает Геннадий Бурбулис – влиятельный государственный деятель и участник событий данной эпохи, ближайший соратник первого Президента России Бориса Ельцина, Государственный секретарь и первый заместитель Председателя Правительства России (1991–1992), соавтор многих программных документов становления новой российской государственности, разработчик стратегии правительства реформ Ельцина–Гайдара, активный участник конституционного процесса (1989–1992), участник Конституционного совещания в 1993 году, ныне – заведующий кафедрой политологии и философских наук Международного университета в Москве, создатель интегрального учения «Политософия жизнелюбства», основатель Школы политологии «Достоинство».

→ *Империя; перестройка; распад СССР; Беловежские соглашения; ново-огаревский процесс; августовский путч; ГКЧП; Конституция 1993 года; постсоветские реформы; международные отношения; российский политический режим; конституционный консенсус; экспертное сообщество*

**Андрей Николаевич Медушевский** (далее – **М**): 2014 год выявил достаточно радикальные изменения в геополитической ситуации, обозначил конфликт между Западом и Россией по целому ряду существенных вопросов. Некоторые говорят о том, что имеет место новая холодная война, используют даже более алармистские высказывания. В связи с этим очень важно переосмыслить положение России в современном мире и в мировой политике. Поскольку недавно мы отмечали 20-летие принятия Конституции 1993 года и юбилей падения Берлинской стены, есть смысл поговорить о пяти основных проблемах, которые активно обсуждаются в современной публицистике и в юридической литературе. Первая проблема – это оценка такого глобального события, как крушение СССР, и в этом кон-

тексте – крушение Российской империи. Почему в одно столетие два раза произошло крушение государства и были ли какие-то альтернативы в этом процессе? Какие возможности были упущены и что, наоборот, было реализовано за истекший период? Вторая важная проблема – это ситуация на постсоветском пространстве в контексте соотношения идеологии, права и реальной политики, поскольку между ними мы видим очевидное противоречие. Третья проблема – меняющаяся позиция России в мире, приоритеты международной политики, которым она должна следовать. Имеет смысл обсудить, как вообще идеология прав человека реализуется в современном мире, поскольку данный вопрос стал сейчас одним из наиболее спорных, востребованных вопросов. Четвертая пробле-

ма — вопрос о нашей Конституции: в какой мере она обозначила преемственность и разрыв с предшествующей советской традицией, насколько конституционные принципы реализованы, почему в обществе существует выраженный конфликт в отношении конституционных ценностей? Пятая проблема — какие необходимы конституционные реформы и что может сделать современная российская общественность для их осуществления?

В связи с этим центральный вопрос: историческое значение распада Советского Союза в контексте истории постсоветской России и мира. Каким вы с современных позиций видите значение этого события? Поскольку относительно него существуют диаметрально противоположные точки зрения, что, по вашему, раскалывает наше общество?<sup>1</sup> Что такое СССР: был ли он империей или нет, каково значение его распада? Являлось это событие действительно геополитической катастрофой, которой нельзя было избежать, или, скорее, следствием ошибок власти в решении экономических, социальных, национальных проблем? Если принять тезис о том, что СССР был империей (как считают многие аналитики), то действительно ли она исчерпала свой ресурс, а ее крушение должно было состояться в указанный период и в тех формах, которые реализовались в истории? Каков был ресурс маневрирования политической власти и существовали ли нереализованные стратегии и технологии управления дезинтеграционными процессами? Очевидно, что все эти вопросы имеют не только академический интерес; они важны для понимания логики всего политического процесса в Европе и Азии, имеют прямое отношение к выстраиванию стратегии обустройства постсоветского пространства.

**Геннадий Эдуардович Бурбулис** (далее — **Б**): Вы представили очень хорошее глубокое пространство для нашего диалога, и ему особую злободневность придает, конечно, динамика мировых событий с акцентом на Россию 2014—2015 годов. Для меня безусловным является определение советской системы как империи особого типа, и обидно, что до сих пор отсутствует достаточное внимание к этому феномену с точки зрения комплексного междисциплинарного осмысления природы и специфики советской имперскости. В силу этого мы вынуждены явочно обращать вни-

мание, как правило, на поверхностные закономерности, имеющие на самом деле глубокий социокультурный характер и проявляющие себя, особенно в последнее время, как хронически обостряющийся комплексный имперский синдром. Наша задача заключается прежде всего в том, чтобы преодолеть эту инерцию «реставрационных заклинаний». Необходимо понимать, что в 1991 году распалась уникальная советская тоталитарная империя, и системно осознать качественные параметры, причины и последствия этого распада. Это важно потому, что надо принципиально различать процесс фактического распада Союза Советских Социалистических Республик как государственного образования, утратившего все свои определяющие основания для устойчивого функционирования, и необратимый распад советской империи, представляющей собой в варианте «советскости» особую модификацию многовековой имперской традиции в истории нашей страны.

**М**: В связи с этим позвольте вопрос, который неизбежно задали бы оппоненты вашей точки зрения. Их идея состоит в том, что мир всегда управлялся империями, что крушение одних заменяется созданием других империй и что вообще мир без них невозможен. С этих позиций в современной литературе дается вполне четкое определение империи: это всегда большое многонациональное государство, которое удерживает народы в единой системе с помощью легитимного применения насилия. Имперский суверенитет вообще основан на преодолении и подавлении потенциального стремления национальных регионов к самоопределению в форме обретения государственного суверенитета. Всегда ли это плохо, особенно с учетом деструктивных процессов эпохи глобализации? Как полагают некоторые исследователи, тогда империями следует признать не только СССР, но и Соединенные Штаты Америки, Евросоюз, Китай, Индию, вообще десятки других крупных современных международных игроков на мировой арене. Распад империй такого уровня не всегда означает шаг вперед в мировом развитии, он влечет за собой большие геополитические изменения и балканизацию соответствующих регионов. Неслучайно термин «балканизация» получил широкое распространение в современной европейской литературе. Если раньше говорили о европеизации Бал-

кан, то сейчас говорят о балканизации Европы в связи с теми процессами сецессии, которые намечаются в Великобритании, Испании, Бельгии, во многих государствах Восточной Европы, не говоря уже о постсоветском пространстве. Парадоксальная особенность распада СССР заключается в том, что только современная Россия (которую некоторые продолжают именовать империей) стала федеративным государством, а все отделившиеся республики стали унитарными многонациональными государствами (своего рода мини-империями) и стремятся оставаться в этом статусе. Отсюда рост национального сепаратизма внутри них самих, который уже привел к образованию ряда непризнанных государств. Новейшие кризисы в отношении России с Грузией, Молдавией, Украиной, противоречия между другими постсоветскими странами (Армения и Азербайджан) не в последнюю очередь обусловлены этим историческим наследием. Распад Югославии и решение проблемы Косово наглядно продемонстрировали поляризацию позиций в мире в отношении признания новых государственных образований. В категориях геополитики распад Советского Союза видится вам как неизбежное и позитивное явление или, скорее, как случайное и негативное?

**Б:** Я с некоторых пор стараюсь обсуждать проблемы исторического бытия в рамках некой очень важной для меня методологической позиции. Потому что даже сама постановка вопроса о том, что такое распад советской империи — случайность или неизбежность, должна осуществляться в рамках понятия «мягкой закономерности». Если мы понимаем, что линейного хода человеческой истории не существует, а история как процесс — это всегда выбор, альтернатива, спектр возможностей, то не остается простора для жесткого детерминизма. В данном случае моя методологическая рефлексия базируется на двух очень важных основаниях. Первое — нет очевидной Истории как таковой, как совокупности фактов, как потока событий, случившихся где-то, когда-то, с кем-то, иногда с нами. Второе — подлинная история всегда выражается в трех взаимосвязанных формах ее проявления. Это история идей, а точнее ценностей и смыслов; история конкретных людей, совершавших конкретные поступки или воздержавшихся от их совершения в определен-

ной ситуации жизненного выбора; и, наконец, это история событий, причем событие понимается здесь не как факт и их череда, взаимосвязь, а как «со-бытие» одного человеческого проявления с другим<sup>2</sup>. Событие как событие — это всегда многомерное пространство конкретных волей, человеческих поступков, устремлений и свершений, это всегда система взаимоотношений, в которой методологически добросовестное историческое познание открывает все больше и больше обуславливающих ее параметров. Еще раз подчеркну, история — это не только факты и их череда, не только архивные документы, не только перечисление и описание сочетаний того и другого. История — это прежде всего — продуцирование идей и идеалов, ценностей и смыслов, осуществляемое во всякий конкретный временной период представителями того или иного народа, государства или человечества в целом, как процесс предельного жизненного выбора в результате напряженного духовного производства. То есть в истории всегда есть «авторы» и акторы — генераторы и трансляторы этих идеалов, ценностей и смыслов. И я огорчен, что мы сейчас находимся в такой исторической ситуации, когда эта, казалась бы, очевидная методологическая установка по разным причинам чаще всего игнорируется, практически нивелируется. У нас есть традиция мыслить «-измами» — либерализм, консерватизм, фашизм, фундаментализм, есть некоторые привычные типологии «национальной самобытности», региональной и социоэтнической идентичности, геополитических преимуществ и могуществ. И за этими большими «пятнами» на картине мирового процесса прячется, ими поглощается и часто искажается то, что можно назвать реальной Историей. Еще более существенно определяет такую методологию принципиально новый акцент на историю людей. Наши классические марксистские определения: роль личности и масс в истории, роль ведущего класса, слоя — не утрачивают своей эвристической значимости, но и не позволяют понять, что на самом деле оказалось причиной события — со-бытия и какая системная совокупность ценностно-смысловых (на современном языке: институциональных) обстоятельств создала-сотворила его в этом, а не другом проявлении. Ну и, наконец, природа самого исторического со-бытия. Введенная в обиход ме-

тафора «распад Советского Союза — это геополитическая катастрофа конца XX века» при всей образной условности имеет очевидный ограниченно-упрощенческий потенциал. Действительно, определять такого уровня и масштаба исторические процессы в понятиях катастрофы иногда вполне допустимо. Но на самом деле мы имеем дело с эпохой глобальных трансформаций XX—XXI веков и только в этом концептуальном контексте обязаны осмысливать, какова была реальная история возникновения и закрепления советской тоталитарной империи, какова была в жизненном пространстве Советского Союза система норм, правил, традиций, ценностей и смыслов. Почему марксизм-ленинизм выступал как псевдо религия XX века? Именно по законам тоталитарного и репрессивного механизма верования и культивирования этой веры мы пережили в действительности глобальную антропологическую катастрофу в истории не только нашей страны, но и всего человечества. Она была трагической кульминацией того агрессивно-утопического замысла, каким был большевистский план построения новой системы мироустройства и создания нового человека. Именно эта антропологическая катастрофа содержит в себе все драмы, трагедии, все травмы и синдромы той самой советской имперскости, суть которой требует систематического изучения.

**М:** Этот подход очень близок к когнитивно-информационной теории в истории и праве. Он заключается в том, что каждая эпоха имеет определенные информационные рамки для конструирования смысла исторических процессов и организации целенаправленной человеческой деятельности. С этой точки зрения можно констатировать, что политические установки участников событий обусловлены картиной мира эпохи, определенным мейнстримом, лежащим в основе конструирования социальной реальности. Таким образом, история вариативна, и это допускает альтернативность процесса. Но тогда следует признать, что существовала определенная альтернатива распаду Советского Союза в рассматриваемый период. Не говоря уже о том, что с позиций наших современных знаний мы можем выстроить иную модель вариативности событий. И если распалась советская империя, то правомерно поставить вопрос: каковы перспективы России? Некоторые считают, что

современная Россия, несмотря на федеративное устройство и принятие новых либеральных правовых ценностей, также является государством имперского типа.

**Б:** Я бы не стал разрабатываемую мною методологическую позицию напрямую связывать с достаточно влиятельной и конструктивной концепцией когнитивной истории. В любом случае научная оценка исторических событий невозможна без стремления создать системную познавательную конструкцию, где должен быть свой внятно выраженный концепт, где определяются базовые принципы и категории, где в рамках этой позиции ее носители реализуют концептуально-адекватную последовательность действий. В данном случае мне ближе та установка, которую я разрабатываю последние годы, — это концепция политософии. В дополнение к вышесказанному, она заключается также в том достаточно очевидном, если не сказать банальном, утверждении: всякое подлинно *историческое познание* базируется на трех взаимосвязанных основаниях (знании прошлого, понимании настоящего и предвидении будущего). Неважно, кто его осуществляет: глубокий концептуальный, междисциплинарный ученый Андрей Медушевский или политик, социальный мыслитель, аттестующий сегодня себя как политософ, Геннадий Бурбулис. Важно, что эту жизненно необходимую для нас деятельность по распознаванию того, откуда мы родом, каковы наши истоки, мы осуществляем всегда в пространстве настоящего. Каждый из нас, каждая конкретная личность, тем более личность ученого, в сущности, есть выразитель и носитель неразрывной связи прошлого, настоящего и будущего. Поэтому я в последнее время избегаю каких-либо полемик и дискуссий, когда мои коллеги или оппоненты отказываются позиционировать себя в таком жизненном пространстве. Потому что мы из прошлого черпаем чаще всего и прежде всего то, что созвучно, понятно и доступно нам в рамках нашего сегодняшнего интеллектуального, нравственного, духовного, гражданского, конституционного бытия. Но оказывается, и вот здесь для меня самый важный момент, что мы пытаемся опережить и более или менее точно понять настоящее, опираясь на какие-то доступные и принимаемые нами сигналы прошлого и базирясь, прежде всего, на образе будущего. У нас всегда есть

этот самый образ желаемого будущего, и если мы его видим традиционалистски, консервативно, то и в прошлом будем черпать, как из «колодца» жизни, именно этот желанный «напиток» — синтез фактов, событий, ссылок, цитат, соответствующих нашим ощущениям, желаниям, нашей жажде настоящего. Если мы видим в будущем ту сферу должного, которая всегда мотивировала и стимулировала конкретных людей, заряженных идеалами свободы и человеческого достоинства, то у нас будет другая картина мира, другие аргументы, теоретические и научные конструкции как прошлого, так и настоящего.

**М:** Как с этих позиций можно решить проблему сравнения империй и использования западного опыта, например таких стран, как послевоенные Великобритания, Франция, Португалия, утративших имперское наследие? Ведь в соответствии с предложенными «политософскими» критериями распад СССР следует анализировать не столько с позиций сравнительного анализа, сколько с позиций имманентной логики развития данного государства — тех представлений о прошлом и будущем, которые определяли установки и деятельность позднесоветских реформаторов. Каковы эти установки?

**Б:** Да. Очень важно прояснить данный подход. У Блока есть такая максима, всегда меня вдохновлявшая: «Человеку следует верить не в то, чего нет, а в то, что должно быть». И эта максима должного по отношению к сущему в кантовской терминологии предстает как «нравственный закон во мне», она первична, поскольку любая политическая деятельность, особенно в условиях социальных преобразований, потрясений, несет в себе в большей степени социокультурную и нравственно-духовную легитимность. Все остальное — правовая безопасность, традиции, с которыми обязательно должны считаться активные слои, вторично. Мне кажется, что 2014–2015 годы достаточно остро обнажили эту в принципе совершенно очевидную максиму человеческой истории. Мы не можем пренебрегать сущностным определением человека в рамках Всеобщей декларации прав человека, что «все люди от рождения равны в своем достоинстве и правах, наделены разумом, совестью и должны относиться друг к другу в духе братства», и нашей базовой в основах конституционного строя

статьи 2 Конституции: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства». Правда, эта статья немного не дописана, там должна быть еще взаимная ответственность человека за свое государственное «Я» и вытекающие из нее его обязанности.

**М:** Если согласиться с тезисом, что миром правят идеи, а воля меньшинства является критически важной в переломных точках истории, то стоит определить границы исторического выбора в период распада СССР. Иначе говоря, определить, каковы удельный вес и соотношение в нем существующих правовых институтов, форм массовой мобилизации и способности сторон конфликта к компромиссу.

**Б:** Для меня является безусловной общая неизбежность распада Советского Союза как уникальной империи идеократического типа, которая осуществляла свое историческое стремление в режиме антропологической катастрофы, пренебрегая всеми базовыми правилами и принципами отношения к человеку и гражданину. Я считаю, что у нас в 1991 году была другая историческая возможность, и она реально существовала, в том числе и в условиях правовой легитимности. Это предполагавшееся подписание 20 августа Договора о Союзе суверенных государств, подготовленного в очень сложных условиях. Это была не абстрактная, а реальная возможность, результативно себя закрепившая. Но 19 августа определенная группа руководителей Советского Союза, категорически несогласная с открывающимися новыми возможностями и перспективой, заблокировала данную альтернативу. Реализуя свои убеждения, свое понимание сущего, истории, ответственности, свою веру в то, что подписание договора ни в коем случае нельзя допускать, поскольку это разрушает наш реальный советский социум, она объявляет чрезвычайное положение и занимает конфронтационную позицию. И уже 22–23 августа, после того как ГКЧП был отвергнут и его инициаторы пополнили камеры Матросской тишины, Советский Союз как империя оказался в ситуации стремительного необратимого распада. Вот конкретный пример из нашего с вами жизненного опыта, показывающий значение нравственно-интеллектуального и духовно-практического вы-

бора. Была возможность сохранить СССР в радикально измененной форме, но какая-то часть людей, ориентированных на свои ценности, выражающих свои смыслы, ставит этому преграду. Мне кажется, что определение, которое я в свое время дал, что августовский путч был «политическим Чернобылем советской тоталитарной империи»<sup>3</sup>, сохраняет свою эвристическую значимость. Империя распалась, произошел взрыв накопленной энергетики имперской власти с уже деформированным телом. Но детонатором этого взрыва были именно носители имперского сознания. И мы до сих пор имеем разные формы и темпы «политического Чернобыля»: «имперскость» не может быть смыта, подобно природной радиоактивности. Она имеет ментальные формы, социокультурные коды, так или иначе транслируется из глубин российской истории. Можно и нужно это глубоко изучать. Но мы не можем и не должны облегченно воспринимать сегодняшнюю российскую действительность, исходя из того, что имперский синдром окончательно преодолен.

**М:** В представленной позиции хотел бы подчеркнуть позитивное отношение к политическому проекту перестройки. Если я правильно понял, вы считаете, что перестройка Горбачева и вообще идея нового мышления были в целом движением в правильном направлении? Но оно было остановлено в результате сопротивления консерваторов, руководствовавшихся имперским мышлением, что и стало основной причиной распада Советского Союза. Из этого следует, что в целом адекватный проект преобразований не осуществился исключительно из-за оппонирования консервативной части советской элиты.

**Б:** Это стало одной из причин необратимого распада советской империи. Я считаю роль Михаила Сергеевича Горбачева выдающейся и в отечественной, и в мировой истории, причем главным фактором его великого свершения — Перестройки и демократизации общества — была как раз концепция нового мышления.

**М:** Но тогда возникает вопрос: какие были допущены институциональные ошибки или, может быть, ошибки на уровне лидеров, которые все-таки не позволили этому процессу развиваться дальше? Каковы были институциональные сбои, приведшие к тому, что ГКЧП смог отчасти реализовать свои цели?

**Б:** Если мы будем учитывать предложенную мной методологию, то лаконично ответить на этот важный вопрос можно по матрице трех историй: истории ценностей и смыслов, истории конкретных людей, их способности осмысливать действительность, принимать адекватные решения, и истории сочетания тех поступков, из которых творится событие. Михаил Горбачев оказался в конечном счете человеком, очень глубоко зараженным вирусом советской имперскости. Его добродушная вера в возможность эволюционной трансформации советской империи в подлинное социалистическое мироустройство была очень опасна для человека, который взял на себя столь выдающуюся роль — заложить основы нового мышления, нового миропонимания. Он оказался в этом отношении искренним сторонником нового, но, как потом выяснилось, трагически остановившимся на старом. У меня даже есть такое определение, оно, может быть, более четко передает всю мою боль за случившееся. Михаил Горбачев был человеком партийного дискурса. Ему казалось, что когда мы начинаем говорить про реформы, то это и есть реальная перестройка. С 1985 года мы многократно были свидетелями того, как он увлеченно «заговаривал» не только ближайшую аудиторию, но и всю страну. И от этих «заговоров» мы подошли к заговору путчистов. Потому что человек, который прячется от необходимости жестко и конкретно оценить реальную действительность (Фергана, Тбилиси, Прибалтика, Карабах) и не способен вникнуть в понимание той картины мира, которая к 1980-м годам уже была для человечества достаточно проясненной, теряет контроль над ситуацией. Люди, которые в Советском Союзе искренне поддерживали Перестройку, были способны к новому для советской империи мышлению. Михаил Сергеевич Горбачев не выдержал этого испытания. Я вообще думаю, что мы приблизились сейчас к такой ситуации, когда языковые дискурсы, социальная риторика становятся очень важным и одновременно опасным инструментом артикуляции реальной политической ситуации.

**М:** В связи с этим у меня к вам вопрос как к участнику событий. В какой мере Горбачев владел ситуацией в 1991 году, накануне августовского путча, в процессе ново-огаревских переговоров? До какой степени он был ин-

формирован о происходящем? Он был изолирован от информации и не представлял, что происходит в аппарате? Или сознательно отпустил вожжи, чтобы посмотреть, какой будет расстановка сил? На этот счет есть разные мнения: что он самоустранился от новогаревского процесса, что он знал о подготовке путча, что он действительно не владел информацией.

**Б:** Он владел той информацией, которая совпадала с его порогом понимания и образом будущего (вспомним мое второе условие). Я вам очень признателен, Андрей, потому что в этой своей настойчивости и предметности вы помогаете мне додумать, еще более четко представить мое сегодняшнее осмысление истории нашего поколения и моей собственной судьбы. Есть такое правило, его в свое время сформулировал Маркс в работе «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта». Оно заключается в том, что политик, который берет на себя ответственность преобразовывать действительность в рамках своих полномочий и убеждений, обязан быть на уровне познавательной компетентности, адекватной его времени. Это тот случай, когда мало быть генеральным секретарем, всем своим жизненным опытом осознавшим гибельность системы, которую он вынужден был возглавить. Эта империя умирала на глазах всего мира и собственного народа, когда друг за другом умирали «клонлируемые» генеральные секретари, а кремлевская стена стала символом кладбища советской тоталитарной империи. Михаил Горбачев был искренне увлеченным носителем идеи перестройки, виртуозным заговорщиком — «заговаривающим лидером», но все дальше и дальше уходил от желания и способности понимать реальную картину мира. Второй нюанс. Он понял, почувствовал проблему, но не нашел адекватных способов ее решения. Поскольку известно, в каком стиле Горбачев делал свою партийную карьеру, это ведь тоже очень важно — стилистика человека, получающего власть от имперско-привилегированной системы. Он никогда не отличался какими-то практическими инициативами, его место было — беречь ставропольскую житницу и уметь доброжелательно, заинтересованно принимать высоких гостей. Эта стилистика уклоняться от авторства-новаторства, тем самым от персональной ответственности за своевременную оценку и практи-

ческое решение жизненно важных проблем, помешала нам эволюционно обрести новую возможность для сохранения Родины, нашей советской страны. Что касается конкретики, то Горбачев считал, что его обаяния и популярности достаточно, чтобы его активно и самоотверженно поддерживали интеллектуалы, в большей степени из поколения шестидесятников. Он мог, заинтересованно послушав их, делать то, что сам считал нужным. Но ему показалось, что демократическое движение реально угрожает тому вполне заслуженному лидерскому авторитету, который Горбачев уже наработал к тому моменту. Есть достаточно достоверное свидетельство этой установки: когда на заседании Верховного Совета СССР была попытка Павлова поставить вопрос о чрезвычайных мерах, блокированная нами на Верховном Совете, на съезде, Горбачев уклонился от принципиальной оценки. И когда Горбачев уезжал в Форос, 4 августа 1991 года, ему еще раз сказали: «Вы посмотрите, какая перспектива. Это может так развернуться, а мы-то куда, что с нами будет?» В данном случае «с нами» это была такая метафора: «с нами» — конкретно с деятелями государственного масштаба и «с нами» — со страной, которую мы олицетворяем в рамках своего убеждения, веры. «Мы готовы здесь действовать решительно и по-другому». Горбачев сказал: «Ну, попробуйте». Эта же двусмысленно неопределенная ситуация трагически повторилась через две недели, когда 18 августа в Форос к Горбачеву прилетели заговорщики-гэкачеписты и снова услышали ту же, осторожно-одобрительную формулу: «Попробуйте». Я не могу как человек добросовестный, с позиции того желанного идеального исторического анализа ручаться, что эти слова были именно так произнесены. Но, по сути, он именно так и сделал. И уже проводив его 4 августа в аэропорт, люди из его ближайшего окружения разворачиваются и едут в печально знаменитый 5-й блок КГБ планировать введение чрезвычайного положения, что означало — сорвать начало не только подписания нового договора, но и, возможно, открытия новой страницы в истории нашей страны.

**М:** Получается, что Горбачев выглядит как Понтий Пилат в романе Булгакова.

**Б:** Да, но одновременно я не могу не отметить его выдающегося вклада в принципе,

который формировался в треугольнике Рейган — Тэтчер — Гельмут Коль. Нельзя забывать Рейкьявик, 1986 год и выступление Горбачева, первое в Организации Объединенных Наций, с доктриной нового мышления, где он в деталях объяснял свою программу реального разоружения. И там же была формула о выводе группы войск из Германии, снятии всех стратегических планов Варшавского пакта и так далее. По большому счету, Берлинская стена рухнула задолго до ноября 1989 года, она рухнула как стена отчуждения, недоверия, глубочайших разногласий по базовым ценностям и жизненным смыслам, в которых мы пребывали десятилетиями.

**М:** Хотел бы выяснить вклад лидеров в окончательный процесс распада Советского Союза. Существует точка зрения, что на завершающей стадии этот конфликт был во многом определен борьбой честолюбий Горбачева и Ельцина. Об этом пишет, например, Мэтлок в своей книге<sup>4</sup>. Как вы относитесь к такому очень важному тезису? Мы, конечно, понимаем, что позиция Ельцина и России определялась в том числе и объективными факторами, но должны принять в рассуждение такие факты, как референдум о сохранении СССР, начало ново-огаревского процесса и одновременно позицию России, которая провозгласила Декларацию независимости и дополнила союзный референдум вопросом о выборах президента РСФСР. И последующие действия Ельцина, уже после ГКЧП, также говорят о его стремлении сосредоточить власть в Российской Федерации в конфликте с союзным центром. Конфликт этого центра и российского руководства, к которому вы тогда принадлежали, стал определяющим в судьбе СССР. Насколько вы сейчас видите эту закономерность? Помимо действия объективных процессов, представлена роль личности. Ельцин ведь также принадлежал к той же самой партийной олигархии, что и Горбачев. И, следовательно, его сознание во многом было с ним сходным.

**Б:** Опять же в моей методологии роль личности, безусловно, чрезвычайно важна, причем не только генсеков и президентов, но и каждой конкретной личности. Что касается возможности ответить на этот вопрос максимально лаконично, то у Михаила Сергеевича была возможность прекратить болезненное маневрирование между абсолютно правиль-

ными целями, идеями и задачами (гласность, демократизация, выборы народных депутатов СССР (1989) и РСФСР (1990)) тех конкретных слоев общества, которые эти ценности воспринимали для себя как жизнеспособные, с одной стороны, и той частью советской системы, для которой все это было невыносимо, с другой стороны. Консерваторы смотрели на реформаторов как на преступников, чужестранцев, продолжали презирать конкретных людей за их взгляды и убеждения, видимо, полагая, что это не добросовестная позиция личности, а посягательство на их веру и тем самым на их власть, полномочия, их право в такие кульминационные исторические моменты определять будущее страны. Горбачев оказался, к сожалению, не способным принять позицию, которая отвечала на 80 % его первоначальной идее нового мышления с новыми ценностями, жизненными целями и способами управления, принятием решений и ответственности. Поэтому были ли личная конкуренция, борьба? Мне кажется, что они были в той мере, в какой есть люди, пережившие этот наркотик в каком-то смысле безграничной власти. Любой секретарь обкома в советской системе в рамках своего дарованного надела носил в себе эту болезнь. Но один все время маневрировал, лоялизировал и искал, как бы оказаться приятным и принятым, а другой не боялся осуществлять такие действия, меры, которые ставили его в рискованное положение. Один вовремя осознал тупиковость системы и совершил мужественный поступок — мартовский съезд 1985 года, а другой, будучи приглашенным в Москву, решив участвовать в реализации исторической программы самообновления, получив колоссальные полномочия и доверие, столкнулся с этой самой рутинной самосохранения. Две личности разного психотипа, разного масштаба мышления, разного осознания личной ответственности.

**М:** Совершенно ясно, что Горбачев, когда он провозглашал новое мышление, исходил из идеи сохранения Советского Союза как единого государства и предполагал, что реализация его концепции будет возможна в этих границах. Напротив, Ельцин исходил из того, что Советский Союз обречен. Сейчас представляется, что оба этих деятеля не имели научного плана действий, их решения определялись скорее политической интуицией. Воз-

можно, интуиция Ельцина оказалась более действенной, но следует ли из этого, что проект сохранения Советского Союза мог быть реализован в случае, если бы руководство России не пошло, например, на провозглашение президента РСФСР? Потому что это открывало ящик Пандоры: все союзные республики захотели иметь своих президентов, и от этого был только один шаг к распаду государства.

**Б:** Россия не была первой, кто принял Декларацию о государственном суверенитете. Более того, инициатива и идея суверенитетов республик мировоззренчески и политико-юридически была сформулирована в документах КПСС — Резолюции XIX конференции КПСС «О межнациональных отношениях» (1988) и Постановлении сентябрьского Пленума ЦК КПСС «О национальной политике партии в современных условиях» (1989). Совершенно несостоятельным в этом контексте является осуждающее клише «парад суверенитетов», а исторически адекватной представляется формула «суверенитетский консенсус». Безусловным доказательством такого консенсусного единодушия является поведение первого Съезда народных депутатов РСФСР: 29 мая 1990 года в третьем туре голосования в результате тяжелейшей конкурентной борьбы Съезд избирает Бориса Ельцина главой республики (535 голосов), а через две недели этот же состав Съезда практически единогласно (947 голосов «за») принимает Декларацию о государственном суверенитете РСФСР. Что касается сохранения СССР, то здесь следует учитывать три обстоятельства. Первое. Очень часто упоминаемый как аргумент мартовский референдум (о сохранении СССР) интерпретируется слишком однобоко, потому что его формулировка была настолько неясной и неконкретной, что уже заложила мину под государственное здание. Второе. Казахстан и Украина приняли свои собственные формулировки. Третье. В референдуме не принимали участие уже 6 республик Советского Союза.

**М:** Это ничего не значит, потому что по смыслу Конституции СССР 1977 года решение вопроса о выходе республики из Союза могло приниматься только с согласия всех остальных республик.

**Б:** Нет, 72-я статья Конституции давала республикам право выхода из СССР, остав-

ляя открытым вопрос о его механизмах. Если Михаил Сергеевич считал, что доблестная Конституция СССР работает в таких чрезвычайных условиях вопреки тому, что думают, делают, чем живут и чем исторически, культурно мотивированы конкретные субъекты Советского Союза, то, конечно, этим он уже заведомо продемонстрировал свою неадекватность. Другая сторона проблемы — Россия с собственным вопросом о президентстве. Президентство в России было выстрадано нами как единственный способ получения возможности нести ответственность за положение дел в Российской Федерации в условиях дистрофического советского управления. Мы имели не только истощенную экономику, но и деморализованную бюрократию, полное лицемерие со стороны партийного руководства. И все это было заложено на всех уровнях системы — от села и лабораторий в НИИ до ЦК КПСС. Поэтому борьба не сводилась к вопросу личностного доминирования: — кто кого — Борис Николаевич или Михаил Сергеевич, но отражала конфликт мировоззренческих доминант каждого из руководителей. Ельцин боролся не столько за власть, сколько за инструмент решения проблем Российской Федерации как реального локомотива перестройки во всей советской империи. Это я подтверждаю тремя нашими попытками: программа «500 дней», которая была зажевана и отторгнута; постановка вопроса на Верховном Совете Советского Союза о том, как же быть с ресурсами жизнеобеспечения, если все привычные формы сломаны — эффективность нулевая; третья — решение проблемы управляемости страной. Ведь люди нуждаются в ответе на вопросы о том, чем питаться, как готовиться к зимнему сезону и обеспечивать в ближайшие полгода-год ресурсы на предприятиях. Мы таких ответов не получали. Вот эта опасная неопределенность с точки зрения базовых целей, ценностей, особенно методов и способов обновления, была характерна для позиции, блестящим носителем которой оказался Горбачев. Иначе выглядит изначальная установка Ельцина на конкретную способность решать самые сложные проблемы того советского наследства, которые мы получили к 1991 году. В столкновении двух, прежде всего мировоззренческих, ценностно-смысловых позиций состояла суть всей этой борьбы как исторического выбора.

**М:** Целесообразно соотнести внешние и внутренние факторы этого процесса и, в частности, решить вопрос о том, насколько Горбачев принял тот диагноз, который вы сейчас описали, и насколько добровольно он передал власть Ельцину после августовского путча. Ведь у него сохранялись рычаги воздействия на ситуацию, и, насколько я понимаю, Запад все-таки считал, что Горбачев должен остаться у власти. Каким образом получилась эта фактически добровольная передача власти? Означает ли это, что Горбачев понял, что игра проиграна, или он считал, что российское руководство может возглавить будущий процесс интеграции?

**Б:** Нет, Горбачев длительное время находился в искреннем, наивно-трагическом заблуждении, что мы сможем вместе найти выход. Его решение 23 августа на заседании Верховного Совета РСФСР о том, что он покидает пост генерального секретаря и распускает КПСС, стало поворотным событием. Вспомним мой образ: ГКЧП — политический Чернобыль советской тоталитарной империи. Своим поступком Горбачев из имперского реактора вынул самый главный радиоактивно-идеократический стержень, что с точки зрения личного выбора было правильно и долгожданно. И если продолжать анализировать события в контексте конкуренции двух лидеров, то она высвечивает проблему легитимности власти. Ельцин уже в июле 1990 года, на XXVIII съезде выходит из КПСС, объявив, что он как глава республики, избранный Съездом народных депутатов РСФСР от имени всего народа, не может принадлежать ни одной партии. Хотя накануне, поздно вечером, он глубоко переживал необходимость такого решения, я никогда его таким взволнованным не видел. Мы были тогда только вдвоем, и он мне говорил: «Но я же выращен партией, я вскормлен ее молоком и воспитан ее духом. Но я должен это сделать». Ельцин это делает за год до переворота, а Горбачеву понадобился ГКЧП, этот «чернобыльский» взрыв. Наше «ново-огаревское детище», Договор о Союзе суверенных государств, подписание которого намечено было открыть 20 августа, безвременно скончалось. Михаил Горбачев публично объявляет, что он с этими членами Политбюро не желает иметь ничего общего, и искренне предлагает: «Давайте вернемся к Ново-Огарево, попробуем еще

одну попытку договориться о том, как сохранить обновленный Союз».

**М:** Да, это документировано в Белой книге<sup>5</sup>.

**Б:** Да, но там-то продолжается еще одна беда Горбачева. Прямо или опосредованно каждое заседание Ново-Огарево-2 заключалось в одном: Михаил Сергеевич все время спрашивал, где будет его место. И мы стали настойчиво ему объяснять, что сложилась принципиально новая ситуация, определившая невозможность конструирования Союза на прежних основаниях. Ведь мы не можем заключать новый договор республик еще с кем-то, потому что этого кого-то уже нет, нет союзного управления, власти, союзных структур, обеспечивающих жизнедеятельность государства — от безопасности до экономического развития. И вот мы вынуждены обращаться в октябре 1991 года к Съезду народных депутатов РСФСР за чрезвычайными полномочиями в экономике. Президент Ельцин получает на съезде полномочия возглавить правительство. Посмотрите, какая разница и поступков, и ценностей, и уровня ответственности. И опять перед нами яркий эпизод многоликой истории идей, людей и событий. Думаю, что немалая часть депутатов голосовала за резолюцию V съезда народных депутатов РСФСР только по одной причине: «Пусть Ельцин кладет свою голову на эту плаху и свернет себе тем самым шею, мы-то знаем, какая у нас сегодня реальная экономическая ситуация, так что дадим ему эти полномочия». Мы вынуждены были формировать правительство реформ в чрезвычайных хозяйственно-управленческих условиях. Параллельно создаем Конституционный Суд как абсолютно неожиданный для советской традиции орган, потребность в котором была опережающей. Потом много проблем возникло из-за того, какую позицию занимал Конституционный Суд в процессе кризиса 1993 года. И Михаил Сергеевич смотрит на это выжидательно, он совершенно упускает процесс из рук. 1 декабря 1991 года проводятся референдум и выборы на Украине, избрание президента в Казахстане, и мы стоим перед необходимостью осмыслить, в какой не то что исторической, а практической ситуации мы находимся. Потому что Кравчук получает полномочия, 90 % за суверенную Украину. Назарбаев получает полномочия, мы их уже

в той или иной мере закрепили. В Беларуси Шушкевич ищет ответ на вопрос, как решать хозяйственные проблемы, прежде всего с топливом, горючим и так далее. Возникает идея встретиться.

**М:** В связи с этим необходимо поставить вопрос о вашей нынешней оценке Беловежских соглашений, поскольку сейчас в обществе и литературе присутствуют диаметрально противоположные точки зрения по этому вопросу. И я бы сказал, что доминирует негативное отношение в СМИ. Используется понятие «Беловежский сговор». Как с современных позиций вы оцените правовую основу этих соглашений? Считаете ли вы, что была все-таки достигнута определенная преемственность? Поскольку вы опирались на договор о создании СССР и исходили из того, что те республики, которые подписали договор: РСФСР, Белоруссия, Украина (не считая ЗСФСР, которой не было), — все эти республики одновременно и расторгли этот договор. Иначе говоря, считаете ли вы, что Беловежский договор выражал юридическую преемственность, или следует определить данный факт как конституционный переворот? И в чем вы видите с современных позиций значение этого договора, особенно учитывая его актуализацию в связи с кризисом на Украине сейчас?

**Б:** Принимая личное участие в выработке исторического документа такого масштаба и подписывая Беловежское соглашение за Россию вместе с Президентом Ельциным как второе лицо в государстве, я и сегодня считаю, что мы нашли единственную форму, которая позволяла при создании нового объединения республик, ставших самостоятельными, избежать кровопролитного передела советского наследия. И югославский трагический опыт показал, что подобное развитие событий было вполне возможно. И очень хорошо, что мы нашли по аналогии с Британской империей это емкое понятие «Содружество». Именно оно помогло Леониду Макаровичу Кравчуку, всенародно избранному 1 декабря Президенту Украины, смягчить свою непримиримую, закреплённую референдумом позицию: «Никаких новых договоров. Я не знаю, кто такой Горбачев. Я не знаю, где Кремль. Я уполномочен моим народом. Украина с 1 декабря свой выбор сделала». «Содружество? — спросил он. — А что это?» —

«Ну, вот то-то и то-то». — «Ну а что, давайте попробуем. Потому что я не вижу здесь для себя, скажем, каких-то опасных последствий». И начала наращиваться концепция этого текста — две страницы, 15 статей, и появилась формула: Беларусь, Российская Федерация и Украина как основатели Советского Союза в 1922 году констатируют, что Советский Союз как субъект международного права и геополитическая реальность прекращает свое существование. Кравчук сказал: «Ну, все правильно. Это то, что надо сказать всему миру и каждому гражданину Украины, Белоруссии и России». Мы сумели прописать там базовые ценности той самой демократической стратегии, на которую по разным причинам у Горбачева не хватило ни понимания, ни духа. В Соглашении о создании Содружества Независимых Государств мы развили нормы и принципы, которые выражали базовые статьи двусторонних договоров, уже заключенных между союзными республиками.

**М:** Но фактически из этого следует, что вы рассматриваете Беловежское соглашение не столько как правовое, сколько как политическое решение.

**Б:** Политико-правовое решение. И я думаю, что мой *концептуальный термин* «Беловежский консенсус» как обозначающий масштабное событие мировой истории рано или поздно будет понят и приживется.

**М:** Это политическое определение.

**Б:** Не только. Беловежский консенсус обеспечил максимальную правовую легитимность в опаснейшей ситуации неуправляемого распада страны, начиненной ядерным оружием. Четвертым пунктом мы приняли ключевое решение, которое в конечном счете было полностью осуществлено к 1996 году, — решение о том, что Россия становится правопреемником Советского Союза по всем обязательствам. А Украина и Беларусь, к которым затем присоединился Казахстан (Президент Н. А. Назарбаев), добровольно отказываются от арсеналов ядерного оружия. Дальше начинается легитимация этого решения: в течение нескольких дней парламентами наших трех республик его ратифицируют. Через 12 дней, 21 декабря 1991 года, в Алматы в качестве соучредителей к Беловежскому соглашению присоединяются еще восемь республик. Мы направляем эти документы в Организацию Объединенных Наций. Там их

рассматривают, и 24 декабря, по регламенту Организации Объединенных Наций, мировое сообщество признало этот документ соответствующим нормам международного права и приняло в состав ООН государства, его подписавшие. 25-го числа Михаил Горбачев делает официальное заявление о том, что он покидает свой пост, хотя высказывает некую тревогу и опасения. И в довершение ко всему 26 декабря собираются последние остатки Съезда народных депутатов СССР в виде Совета Союза. И они принимают документ, признающий, что Содружество Независимых Государств — это правовая, политическая и историческая реальность. Последний орган окончательно распавшегося Советского Союза — даже такого декларативно-паллиативного характера — соглашается с этим историческим выбором.

**М:** Я согласен с вами, что вопрос о ядерном оружии очень важен. Безусловно, очень большой успех Ельцина и российского руководства в целом состоял в том, что удалось передать России ядерное оружие из других бывших союзных республик. Гайдар в личной беседе говорил мне, что это было главным предметом дебатов с республиками и едва ли не решающим условием при подписании Беловежских соглашений российским руководством. Ясно, что вопрос был решен при поддержке Соединенных Штатов и, очевидно, при некотором сопротивлении Украины, которая, насколько мне известно, не хотела приводить это решение в жизнь. Украина настаивала на том, что та часть ядерного оружия, которая хранится на ее территории, должна остаться в ее собственности. Как удалось решить этот принципиальный вопрос?

**Б:** Когда нас упрекают, что был «беловежский сговор», то либо не понимают, либо забывают цену данного вопроса. Мы с вами хорошо знаем, что легитимность такого масштаба событий обеспечивается не только формально юридически, она проявляется не только ситуативно политически, но прежде всего она обеспечивается мировоззренчески, культурологически и, в конечном счете, субъектно-социально. В эти исторические декабрьские дни 1991 года не было ни одной забастовки, ни одного публичного выступления. Более того, ни одно подразделение Вооруженных Сил, ни одна милицмейская часть МВД, ни один регион, ни одна территория не

объявили бойкота или несогласия с этим историческим решением.

**М:** Тем не менее некоторые военные впоследствии говорили, что, если бы Горбачев отдал им приказ арестовать участников Беловежского соглашения, они бы выполнили его.

**Б:** Михаил Горбачев 8 декабря 1991 года лучше всех нас знал, что он уже ничем не управляет. Более того, 8 декабря, когда документ был готов, Борис Николаевич разговаривал по телефону с маршалом Шапошниковым, объяснив ему, что произошло. И Евгений Иванович заверил, что решение сложное, тяжелое, но армия его понимает и принимает.

**М:** И только после этого Горбачев передал Ельцину ядерную кнопку?

**Б:** Ядерную кнопку мы получили в Кремле позже, но тоже при интересных обстоятельствах. 12 декабря, в день, когда Верховный Совет России ратифицировал Беловежское соглашение, я был с визитом в Париже и в Брюсселе. Нами был составлен меморандум Президента Ельцина, в котором объяснялось, что произошло, какова наша позиция и почему мы обращаемся к главам ведущих государств мира. Я тогда встречался с председателем Еврокомиссии, господином Жаком Делором, и с генсеком НАТО Манфредом Вёрнером. Но самое интересное — это моя встреча с Президентом Франции Франсуа Миттераном. Я передал ему меморандум и пояснил его суть. Биография Миттерана уникальна: он был самым молодым в истории Франции министром, а в день нашей встречи — самым опытным политиком Западного мира. И он мне сказал: «Мы представить не могли, что может быть принято такое решение». «Мы» — это значит главы ведущих государств мира. И вы правы, они с интересом и вниманием относились к Ельцину и к новой России и до последнего момента не допускали, что Горбачев может оказаться в такой ситуации и не справиться с ней.

**М:** Хорошо. А как вы в таком случае ответите критикам данного решения, которые утверждают, что, поскольку Беловежское соглашение было принято все-таки с нарушением правовых норм, его легитимность остается под вопросом?

**Б:** С какими нарушениями?

**М:** Так считают ваши оппоненты. Критики Беловежского договора указывали на многочисленные юридические и процедурные на-

рушения в ходе его принятия<sup>6</sup>. Главный юридический аргумент таков: Союзный договор 1922 года, на который опирались разработчики Беловежского договора, был радикально пересмотрен и фактически перестал действовать уже с принятием Конституции СССР 1924 года, не говоря о последующих Конституциях СССР 1936 и 1977 годов. Поэтому апелляция к Договору 1922 года в новых условиях могла иметь только политический, но не юридический смысл и представляла собой разрыв правовой преемственности — государственный переворот. А легитимирующее решение охвостья последнего Съезда народных депутатов СССР вы сами определили как квазиправовой паллиатив в экстремальной ситуации. Вы знаете, что Государственная Дума в 1996 году даже приняла решение о том, что акт о денонсации Советского Союза является юридически недействительным, Советский Союз юридически сохраняется. И сейчас на этой основе выстраивается ряд политических комбинаций вплоть до возврата к имперской модели государственности.

**Б:** Но мы ведь с вами знаем и другое: как трагически печально реставрируется советская имперскость сегодня в новой конституционной России. И какие очень опасные тенденции и последствия могут из этого возникать. У вас был подвопрос: империя распалась или она продолжает эту опасную фазу полураспада? Как в 1991 году, так и в перспективе 2014—2020 годов Россия стоит перед исторической альтернативой — сохранить имперскую ментальность и державную идеологию, либо преодолеть этот многовековой синдром и обрести полноценную стратегию развития, приняв ценности конституционного гуманизма на основе меритократии.

**М:** При оценке событий распада СССР и формирования современной конституционной системы трудно элиминировать внешнеполитический фактор. Если в период кризиса 1991 года внешнеполитическая обстановка способствовала либеральной трансформации и укреплению новой российской государственности, то это не значит, что подобный вектор обязательно сохранится в дальнейшем.

**Б:** Предтечей Беловежского консенсуса был Берлинский консенсус. Это солидарные отношения к падению Берлинской стены в ее фактическом и символическом проявлении. Берлинский консенсус заложил вектор к Бе-

ловежскому консенсусу. А Беловежский консенсус дал основание конституционному консенсусу 1993 года. Потому что «ГКЧП № 2», выступивший летом—осенью 1993 года — та же самая платформа, отрицавшая реформы, обвинявшая руководство России в ограблении народа и т. д. Но конституционный консенсус 1993 года — это, даже при всем нашем с вами понимании, знании авторов и участников, все равно недоосмысленная вещь. Недоосмысленная не только с точки зрения академического историка и юриста, но прежде всего с точки зрения политика — как выход из трагической ситуации практического обвала. Империя распадается в судорогах. «Имперский реактор» периодически начинает бурлить — выбрасывать новые порции радиации, ставя под угрозу всю окружающую экологическую систему, в данном случае систему социально-экологическую. Поэтому формула конституционного консенсуса и задача принуждения к конституционному консенсусу по вертикали и по горизонтали (горизонталь гражданского общества и вертикаль власти) остаются для нас еще на долгие годы трудной каждодневной работой.

**М:** Возможно ли считать, что сейчас существует конституционный консенсус? Современные исследования показывают существование в обществе диаметрально противоположных позиций в отношении как самой Конституции, так и перспектив ее изменения. Конституционный консенсус был очень ограничен в момент принятия Конституции, если вообще имел место в силу революционных обстоятельств ее принятия. Если он сформировался позднее, то стал ли всеобъемлющим? Или все-таки в свете современных консервативных тенденций он уже закончился?

**Б:** Консенсус сохраняется в том смысле и в той мере, в какой Конституция остается нашей реальной правовой основой, гарантией социокультурной стабильности сегодня и в будущем. Я имею в виду текст и дух Конституции. Что касается глубинного ментального состояния фрагментированного социума, то я бы выделил несколько признаков конституционной консенсусности. Один из них, самый доступный — это стабильность. Как показывает пример ситуации на Украине, разрушение общественной солидарности ведет к отказу от главной ценности — личной безопасности, возникновению опаснейшей угрозы жиз-

ни, причем в самом буквальном смысле слова. Конституционная консенсусность обеспечивает стабильность. Но качество, содержание этой стабильности и, в конечном счете, способы ее достижения для конкретного поколения, для конкретной социальной страты и тем более для социума в целом могут быть чрезвычайно различны. Чрезвычайно опасна стабильность при сохранении ценностной и смысловой неопределенности. Это стабильность травмированного социума. Социума, который находится во власти стереотипов, ориентированного на примитивную картину мира «враги внутри и вне страны», который избегает элементарной ответственности за ближайшее будущее. Социума, который получает сегодня отравляющую подкормку от манипулятивной системы СМИ и власти. Подобная политика основана на популизме: все, что сделано в последние годы по чрезмерному повышению зарплаты у всех слоев социальной бюрократии, немислимо с позиций рационального принятия решений. Невозможно даже описать, какую конкуренцию между собой устроили чиновники по повышению зарплат на текущий момент.

**М:** Искусственное создание среднего класса на базе исключительно чиновничества.

**Б:** Да. Это, конечно, не средний класс, а класс, усреднено прикормленный режимом и методично лишаемый способности к пониманию объективной реальности и потребности в ответственности за свое будущее, за будущее детей и внуков, а самое главное, за собственное достоинство.

**М:** В настоящий момент, в связи с 20-летием принятия Конституции, актуализировались споры о ее корректировке. Представлены проекты радикального пересмотра Основного закона диаметрально противоположной направленности — от реставрации советских институтов до различных модификаций парламентской или президентской республики. Ставятся под сомнение базовые ценности и принципы Конституции как не соответствующие российским историческим традициям и «национальным интересам». Если говорить о перспективах конституционного развития, то важно определить масштаб этих корректировок и технологии их осуществления. Вообще, следует ли говорить в первую очередь о конституционной реформе или об изменении политического режима, определяемого как «им-

перское президентство», «необонапартизм», «режим личной власти» или «персонализм»?

**Б:** Мы обязаны понимать всю неслучайность этого режима. Дело не в персоне и даже не в трех-четыре ближайших к верховной власти персонажах. Существуют достаточно глубокие корни такого типа мировоззрения носителя власти и такого способа реализации этой власти и управления. Поэтому, на мой взгляд, никаких перспектив в виде форсированной смены режима нет. И они были бы, на мой взгляд, в высшей степени несвоевременными. То есть мы не можем допустить стихийный уличный протест. Поэтому идея меритократии — это наиболее адекватная идея на длительный период времени. В первую очередь она апеллирует к университетскому сообществу. Также она апеллирует к особому пространству, где производятся ценности, где артикулируются смыслы, где создается известная стратегия жизни нового поколения, формирующая определенный иммунитет к тому, за что отвечать, как эту ответственность проявлять и как сохранять базис конституционного консенсуса в позитивном смысле. Принуждение к конституционному консенсусу имеет несколько направлений своего проявления. Одно из них — это, конечно, университетский диалог, диалог поколений, это диалог межпрофессиональный и даже диалог глобальный. Всегда, когда предоставляется возможность, я обсуждаю ответственность интеллектуалов за сегодняшнее положение дел в мире, в Европе. Это возможность выразить свою позицию, никого не обижая, никого не оскорбляя и испытывая глубочайшее чувство осознания себя как личности. Мы столкнулись сегодня с ситуацией хронической примитивизации общественного сознания в осмыслении реальных жизненных процессов. В этом — основа кризиса идей и лидерства. Когда пытаются представить Владимира Путина как единственную причину авторитарного вектора, не вникая в содержание переходных процессов, это выглядит примитивно. Когда возлагают вину на Путина, нарушающую элементарные законы общающихся сосу-дов, это выглядит совсем неубедительно.

**М:** Вы имеете в виду западные санкции?

**Б:** Да. Санкции, стилистику, весь комплекс современных проблем и вызовов. Сводить дело к личности, принимающей решения, примитивно и неэффективно. Более то-

го, в этой стилистике Путин обыгрывает оппонентов. Потому что у него есть достаточная подготовка, эрудиция. В заданном типе отношений он просто профессионал, а они — нет. Они в лучшем случае ситуативные политики. Поэтому интеллектуалы как сообщество межнациональное, межгосударственное сегодня несут повышенную ответственность за этот примитивизм. Я выступал в Петербурге неделю назад, там проходил Международный круглый стол посвященный юбилею падения Берлинской стены. Я говорил, что мы должны, не стесняясь, ставить задачу предложить новые идеи, программы как в оценке сложившейся ситуации, так и в решении этих проблем. Немцы на меня напали: «А что? Что еще надо? Какую еще новость ты хочешь?» Я говорю: «Если бы я знал...» Я предлагаю долговременный поиск этой новизны. Сегодня представлен суррогат демократического правления, причем повсеместно. Мы имеем некоторые островки меритократического способа жизни от Сингапура до Норвегии. Это вектор, на который можно и нужно ориентироваться. Потому что власть достойных — это, прежде всего, отношение к самому себе как к профессиональному, социальному и нравственно духовному мыслителю.

**М:** Когда вы говорите о конституционном консенсусе, то имеете в виду все-таки общество в целом, а не чисто профессиональную его часть. Конституционный консенсус по определению является социальным, а не элитным. Но последний может стать предпосылкой первого. В связи с этим вопрос о том, как вы видите такой консенсус на уровне профессионалов?

**Б:** Нет, я вообще избегаю говорить про общество в целом. Тем более что российский социум фатально расколот и ментально травмирован. Поэтому от российского общества в целом вообще трудно выдвигать даже какую-либо гипотезу возможного переустройства. Конечно, речь следует вести о двух типах профессионального поведения. Это те, кто вырабатывает ценности, формулирует цели и артикулирует смыслы, то есть генераторы идей, и те, кто распоряжается ресурсами, — упрощенно, это управленцы. Что произошло сегодня? Информационный ресурс очевиден. Идейный ресурс очевиден. Получается, что от нас требуется, прежде всего, запрет на упрощение. Потому что у примитивизации есть

несколько форм проявления, когда социальный мыслитель десятилетиями добросовестно и увлеченно занимается своим конкретным научным предметом, но воздерживается от интеллектуально-культурных инноваций. А зачем? Он живет в своем интеллектуальном мире всю жизнь. Он самодостаточен, он признан, у него есть своя гора, на которую он восходит уже 40 лет. Он внутренне гармоничен, и ему не нужны перемены. Но остается нерешенным вопрос: какое будущее мыслитель видит для себя, для страны, для планеты? И как он с позиций этого желаемого будущего живет и работает сегодня в рамках своего профессионального сообщества?

**М:** Ну а если предложить следующую конструкцию: говорить о консолидации профессионального сообщества на уровне этической или этико-правовой хартии? Можно говорить о консолидации интеллектуалов на уровне университетов как определенных центров гуманитарного знания и элементов гражданского общества. И можно говорить о профессиональной консолидации в изучении конституционных процессов в России и на постсоветском пространстве. Мы предложили программу таких исследований — независимого мониторинга реализации конституционных принципов в России и на постсоветском пространстве, открывающего получение доказательных и количественно верифицируемых результатов<sup>7</sup>. Данный проект рассматривается нами как основа диалога в экспертном сообществе по проблемам конституционных реформ и политических изменений.

**Б:** Я вообще считаю, что ваш проект по мониторингу выдающийся. И по постановке проблемы, и по первым полученным результатам, и по общему вкладу в исследования конституционализма. Ответ на поставленные сегодня вопросы получен. Но это не значит, что работа завершена. Дело в том, что решение проблемы на профессиональном уровне отнюдь не означает ее решения на уровне социально-политических преобразований. Понятие институционального развития в обществе и элите не выглядит определено и представлено рядом традиций. Для одних это, прежде всего, нормы, правила и ценности. Для других — закрепленные в сфере социального разделения труда институты образования, институты культуры. Для третьих, если брать политические процессы, это ин-

ституты партии и группы влияния. Не будем сейчас искать исчерпывающую дефиницию, поскольку все подходы в известной степени оправданны. Просто не надо терять из виду, что, когда в любой конкретной аудитории кто-то произносит слова «институциональное развитие», каждый видит что-то близкое себе. Предстоит артикулировать данное понятие по мере его практического продвижения. В этом направлении плодотворно работают Александр Аузан и коллектив специалистов, сформировавшийся на базе экономического факультета МГУ. Они доказывают, насколько глубинна зависимость институциональных параметров модернизации от ментальных конструкций и их сбоев. Это значит, что просто перепрыгнуть их нельзя, а их преодоление возможно только в рамках долговременной стратегии, где ничего вторичного нет. Когда университетский профессор входит в аудиторию на полтора часа для чтения лекции, он должен понимать, что это его голгофа, его паперть, его митинг и его лаборатория. Он обучает переживанию и пониманию своего предмета в контексте эмоций, чувств, ожиданий — тревожных или, наоборот, возделенных устремлений текущего времени. Если он, как порядочный человек, излагает существующие проблемы, то просто описывает симптомы болезни. Если он их игнорирует, то может подготовить рафинированного интеллектуала, который окажется самодостаточен и тем не менее будет обслуживать любой политический режим. Задача преподавателя университета как субъекта духовного производства заключается в том, чтобы через диалог идей, людей и поколений, через проблематизацию настоящего, прошлого и будущего способствовать развитию у молодежи культуры самостоятельного мышления и самостоятельного миропонимания, формированию позиции собственного достоинства и толерантной ответственности.

*Бурбулис Геннадий Эдуардович — профессор, заведующий кафедрой политологии и философских наук Международного университета в Москве, кандидат философских наук.*

centre-strategy@yandex.ru

*Медушевский Андрей Николаевич — ординарный профессор Национального*

*исследовательского университета «Высшая школа экономики» (факультет социальных наук).*

amedushevsky@mail.ru

- <sup>1</sup> Обзор существующих позиций по этому вопросу см.: *Медушевский А. Н.* Перестройка и причины крушения СССР с позиций аналитической истории // *Российская история.* 2011. № 6. С. 3—30. Все примечания принадлежат редактору.
- <sup>2</sup> См. об этом подробнее: *Бурбулис Г. Э.* Концепт империи и смысл имперскости в эпоху глобальных трансформаций (политософия достоинства как меритократическая стратегия XXI века): [вступ. ст.] // *Бренное и вечное: Имперский синдром: идеология, мифология и социокультурная практика: материалы Всерос. науч. конференции с междунар. участием 3—4 декабря 2013 года. Великий Новгород, 2014. С. 7—41; Он же.* Россия на рубеже XX—XXI веков: от империи к свободе // *Судьба России: вектор перемен: материалы Междунар. науч. конф. М.; Екатеринбург: Академический проект, 2007. С. 23—34.*
- <sup>3</sup> См.: *Бурбулис Г. Э.* Россия на рубеже XX—XXI веков: от империи к свободе.
- <sup>4</sup> Имеется в виду книга: *Мэтлок Д.* Смерть империи: Взгляд американского посла на распад Советского Союза / пер. с англ. Т. Кудрявцевой, В. Мисюченко. М.: Рудомино, 2003.
- <sup>5</sup> Имеется в виду издание: *Горбачев М. С.* Союз можно было сохранить // *Белая книга. Документы и факты о политике М. С. Горбачева по реформированию и сохранению многонационального государства.* М.: Апрель-85, 1995.
- <sup>6</sup> Эти аргументы суммированы в книге: *Лазарев Б. Н.* Можно ли было сохранить СССР (правовое исследование). М.: Издательская группа «Юрист», 2002.
- <sup>7</sup> Имеются в виду результаты исследовательского проекта Института права и публичной политики «Двадцать лет демократического пути: укрепление конституционного порядка в современной России», обобщенные в трех книгах: *Основы конституционного строя России: двадцать лет развития.* М., 2013; *Конституционный мониторинг: концепция, методика и итоги экспертного опроса в России в марте 2013 года.* М., 2014; *Конституционные принципы и пути их реализации: российский контекст: аналитический доклад.* М., 2014.